

Православный собеседник

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православный собеседник: Часть 2 / – М.: Книга по Требованию, 2022. –
452 с.

ISBN 978-5-4241-5087-6

ISBN 978-5-4241-5087-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не дала ему митрополичьяго титула, потому что относилась къ этому титулу одинаково съ Петромъ великимъ и имѣла намѣреніе вовсе вывести его изъ употребленія. На мѣста выбывшихъ митрополитовъ (Арсенія ростовскаго, Павла тобольскаго) назначались или архіепископы или епископы; митрополіей оставалась одна кіевская епархія. Пожалованіе Гавріила митрополитомъ допущено уже въ 1783 г. въ видѣ особой милости къ заслуженному іерарху.

Платонъ былъ отпущенъ на свою епархію всего на полгода, а затѣмъ снова вызванъ въ Петербургъ для своихъ занятій въ Синодѣ и по должности законоучителя при наследникѣ престола. Въ 1773 г. пріѣхала въ Россію принцесса Вильгельмина гессенъ-дармштадтская, — невеста Павла Петровича. Платонъ былъ назначенъ и къ ней законоучителемъ. Во время своихъ уроковъ онъ такъ успѣлъ ей понравиться, что она взяла его къ себѣ въ духовники и подарила ему свою искреннюю дружбу, продолжавшуюся до самой ея смерти. Великая княгиня была обращена въ православіе съ именемъ Натальи Алексѣвны и въ томъ же году обвѣнчана съ Павломъ Петровичемъ. Платону однако недолго пришлось пользоваться ея расположеніемъ; въ 1776 г. онъ уже совершалъ ея погребеніе и проводилъ эту добрую женщину, имѣвшую самое благотворное вліяніе на Павла Петровича, въ могилу трогательнымъ надгробнымъ словомъ. По случаю брака в. князя онъ сложилъ съ себя обязанность законоучителя, но и послѣ этого только на самое короткое время былъ отпущенъ на епархію. Онъ долженъ былъ управлять ею заочно, черезъ письма, поручая вести за себя всѣ почти епархіальныя дѣла своему довѣренному лицу, архимандриту Колязинскаго монастыря Арсенію Верещагину. Письма эти въ небольшомъ числѣ сохранились до насъ и могутъ служить важнымъ матеріаломъ для характеристики архіереевъ Екатерининскаго времени — избранниковъ императрицы и въ частности тогдашняго направленія самого Платона. Въ однихъ письмахъ онъ

является борцомъ противъ суевѣрій по поводу дошедшихъ до него слуховъ, что въ Колязинѣ совершаются народныя моленія надъ гробомъ митр. Серапіона, въ другихъ выражаетъ свою заботливость о лучшемъ благочиніи между духовенствомъ, о поставленіи на мѣста образованныхъ людей, объ улучшеніи семинаріи, о назначеніи для всего ученаго духовенства очередныхъ проповѣдей, о скорѣйшемъ вѣршеніи консисторскихъ дѣлъ, истребленіи въ консисторіи взяточничества и проч. Въ 1775 г. и Платонъ, какъ Гавріиль, назначенъ былъ на первенствующую русскую кафедру, — въ Москву.

Занявшись судьбой іерарховъ, бывшихъ въ приближеніи къ императрицѣ, мы совсѣмъ оставили митрополита нашей древней столицы. До 1767 г. московскую кафедру занималъ все тотъ же престарѣлый митрополитъ Тимоей Шербатскій, о которомъ мы уже упоминали. Онъ тоже былъ членомъ св. Синода, но его участія не видимъ ни въ одномъ изъ крупныхъ событий, совершавшихся на его глазахъ. Кончилось дѣло секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, совершился судъ надъ Арсеніемъ Маціевичемъ, стала собираться въ Москвѣ коммиссія объ уложеніи, а онъ безгласно доживалъ вѣкъ въ своемъ загородномъ домѣ въ с. Черкизовѣ, предоставивъ самое управленіе епархіей на волю своихъ консистористовъ. Изрѣдка для прилики секретари консисторіи пріѣзжали въ Черкизово съ докладами о важнѣйшихъ дѣлахъ и принимали отъ митрополита словесныя приказанія, которыя сами же и отиѣчали на дѣлахъ. А между тѣмъ приспѣли такія дѣла въ епархіальномъ управленіи, которыя требовали самой энергичной дѣятельности со стороны архіерея, — устройство новыхъ духовныхъ штатовъ, устройство какъ кафедръ, такъ и монастырей на новыхъ экономическихъ основаніяхъ, потому что вотчинъ церковныхъ, на которыхъ созидался прежній экономическій бытъ церковныхъ учрежденій, уже не стало, наконецъ введеніе новыхъ порядковъ среди духовенства, которое при но-

выхъ требованіяхъ времени не могло уже оставаться въ прежнемъ униженіи и невѣжествѣ. При бездѣйствіи митрополита даже обычныя дѣла епархіи были крайне запущены.

Вотъ напр. одинъ образчикъ того, какъ производились дѣла въ консисторіи. Въ іюнѣ 1766 г. коллегія экономіи, желая точнѣе опредѣлить цифру дачъ для ружныхъ церквей, затребовала у московской консисторіи свѣдѣній о томъ, сколько по ея мнѣнію слѣдуетъ давать денегъ въ соборныя, дворцовыя и ружныя церкви на просфоры и кутью. Консистерскіе чины сильно задумались надъ этой задачей, затребовали для ея разрѣшенія свѣдѣній отъ мѣстныхъ священнослужителей, но свѣдѣнія получены были разныя,—какъ быть? Думали, думали и порѣшили: „для достовѣрнаго такой суммы расположенія, дабы въ оной не было какого излишества, слѣдуетъ войти въ подробнѣйшее разбирательство разсмотрѣніемъ, сколько для одной литургіи на просфоры муки, а для панихиды на кутью пшеницы, сахару, меду и прочихъ принадлежащихъ къ тому матеріаловъ въ натурѣ нужныхъ окажется, а потому расположить и денежную сумму“. Въ этихъ разсужденіяхъ прошло цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ. Уже въ февралѣ слѣдующаго 1767 г. консисторія адресовалась къ магистрату съ требованіемъ справочныхъ цѣнъ на муку, патоку, сахаръ, винныя ягоды и изюмъ и, получивъ увѣдомленіе объ этихъ цѣнахъ, велѣла свосму приходорасходчику купить означенныхъ припасовъ и изъ нихъ „предложить въ собраніи для употребленія въ примѣръ приготовленія кутіи съ наборомъ и безъ набору“. По этому приказанію на 40 коп. изготовлены 10 кутей съ наборомъ и на 13½ к. 10 же кутей безъ набора и представлены на разсмотрѣніе въ засѣданіи. Разрѣшенію вопроса о просфорахъ помогъ Чудовскій просвирникъ, объявившій, что у него служба просфоръ (5 штукъ) продается 1-го сорта по 2½ коп., 2-го по 1 к., 3-го по 1 денегъ. Нужно замѣтить при этомъ, что такое разсмотрѣніе 20 кутей съ наборомъ и безъ

набора происходило въ засѣданіи консисторіи въ то самое время, какъ въ Москвѣ былъ весь дворъ и съѣхались со всей Россіи депутаты въ комиссію о составленіи Уложенія.

Митрополитъ не участвовалъ ни въ пріемѣ государыни, ни въ торжествахъ, которыми сопровождалось собраніе депутатовъ, потому что во все это время былъ тяжело боленъ. Во всѣхъ церемоніяхъ за него участвовалъ крутицкій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій. Въ апрѣлѣ 1767 г. престарѣлый іерархъ скончался и опросталъ свой видный постъ для болѣе способнаго и энергичнаго дѣтеля. При отъѣздѣ двора изъ Москвы въ январѣ 1768 г. Амвросій говорилъ Екатеринѣ прощальную рѣчь и въ тотъ же день вышелъ указъ о назначеніи его преемникомъ Тимоѳея, впрочемъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, безъ пожалованія ему митрополичьяго званія. До сихъ поръ дѣятельность Амвросія была мало видна, хотя онъ еще съ царствованія Елизаветы состоялъ членомъ св. Синода; при Екатеринѣ онъ былъ затертъ новыми церковными дѣтелями изъ великоруссовъ. Мы уже видѣли его связь съ Арсеніемъ Маціевичемъ; очень можетъ быть, что, недовольный своимъ маловиднымъ положеніемъ, онъ на первыхъ порахъ погорячился противъ правительства, потому что въ самомъ дѣлѣ былъ чловѣкъ неудержимаго сердца, но потомъ, какъ большая часть подобныхъ неудержимыхъ людей, одумался, струсилъ и, когда дѣло Арсенія пошло въ гору, прибѣгнулъ къ спасительному молчанію. Во время пребыванія императрицы въ Москвѣ онъ былъ замѣченъ ею, какъ образованный, ловкій архіерей-вельможа, умѣвшій задать блеску, поддѣлаться подъ нравы двора больше даже Платона и Гавріила. Екатерина не ошиблась въ немъ; обласканный и возвеличенный ею, онъ явился на каѳедрѣ усерднымъ поборникомъ образованія и новыхъ реформъ въ духовенствѣ.

Заброшенная и запущенная столько времени епархія со страхомъ встрѣтила нозаго архіерея, который

такъ началъ вертѣть всѣми дѣлами, какъ не привыкли ни духовенство, ни консистористы. Послѣ м. Тимофея осталось столько нерѣшенныхъ дѣлъ, что Амвросій нашель необходимымъ учредить для ихъ рѣшенія особое отдѣленіе при консисторіи и обязаль всѣхъ приказныхъ высиживать за ними съ 6 часовъ утра до 8 вечера подъ страхомъ штрафованія цѣпью, скованія въ желѣза и вычета жалованья безъ всякаго послабленія. Старые облѣвившіеся и заворовавшіеся консистористы полетѣли долой съ своихъ кормныхъ мѣсть. Для исправленія распустившагося въ прежнее управленіе духовенства выданы строжайшія правила касательно испытанія ставлениковъ, причемъ были сильно потревожены старые обычаи наслѣдія и сдачи церковныхъ мѣсть по родственнымъ расчетамъ; поднято дѣятельное гоненіе противъ крестцовыхъ поповъ, производившихъ большой народный соблазнъ у Спасскихъ воротъ; велѣно всѣми мѣрами преслѣдовать бродячихъ священниковъ и монаховъ; пьянство, какъ самый нетерпимый порокъ въ духовенствѣ, стало наказываться большими штрафами, цѣпями, тюрьмой и лишеніемъ мѣсть. Въ то же время преосвященный небоязненно задѣвалъ своими строгими мѣрами народныя суевѣрія, истребленіе которыхъ было одною изъ самыхъ модныхъ задачъ вѣка, и пріобрѣлъ славу еретика. Въ воспоминаніяхъ Снегирева онъ характеризуется, какъ „человѣкъ ученый, но строгій до жестокости по своему холерическому темпераменту (такъ какъ былъ полумолдаванинъ, полумалороссіянинъ); у него плети и розги служили обыкновенными средствами для исправленія подчиненныхъ; отъ нихъ не избавлялись даже священнослужители: приносившіе безкровную жертву сѣчены были до крови; это поселило въ духовенствѣ ненависть къ нему, которая соединилась съ народнымъ подозрѣніемъ въ еретичествѣ“. Замѣтимъ при этомъ, что тѣлесныя наказанія священнослужителей со стороны ихъ духовныхъ начальствъ при Екатеринѣ были отмѣнены высочайшимъ указомъ, но практика ихъ, какъ видимъ

отсюда, продолжалась и послѣ ихъ отмѣненія, особенно у такихъ архіереевъ, какимъ былъ Амвросій. А церковнослужители не были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній и самымъ закономъ. По всей московской епархіи настало время какого-то террора; страхъ напалъ не на одно духовенство, но и на мірянъ, которымъ тоже доставалось отъ строгаго владыки, особенно за суевѣріе и расколь. Къ довершенію всего тогда начался строгій разборъ духовенства по распоряженію правительства. Владыка, дѣйствуя вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Еропкинымъ, отдалъ въ солдаты множество лицъ духовнаго званія, разныхъ малограмотныхъ или замѣченныхъ въ предосудительныхъ проступкахъ причетниковъ и праздныхъ, шатавшихся безъ должности дѣтей духовенства; онъ воспользовался этимъ разборомъ для скорѣйшаго очищенія духовенства своей епархіи отъ всѣхъ лишнихъ и негодныхъ людей. Всѣ эти, большею частію слишкомъ поспѣшныя и крутыя распоряженія призвели чрезвычайное озлобленіе противъ Амвросія. Между тѣмъ надъ Москвой собиралась грозная туча страшнаго народнаго бѣдствія.

Съ самаго начала 1771 г. въ городѣ открылась сильная моровая язва, чума, занесенная по случаю войны изъ Турціи, ежедневно истреблявшая отъ 600 до 800 человекъ московскихъ обывателей. Вслѣдъ за этимъ бѣдствіемъ явилось другое, — опасное народное волненіе противъ лекарей, карантинныхъ и разныхъ правительственныхъ мѣръ къ прекращенію заразы. Къ вящему усиленію безпорядковъ Москва осталась безъ головы; главнокомандующій столицы Салтыковъ выѣхалъ изъ нея, испугавшись мора, — вслѣдъ за нимъ стали разѣзжаться по деревнямъ и другія начальства, такъ что въ городѣ остался управителемъ одинъ Еропкинъ, имѣя въ распоряженіи у себя небольшую команду солдатъ, которые сами были заражены общимъ духомъ волненія. Преосв. Амвросій не оставилъ Москвы и энергично приводилъ въ исполненіе по духовному вѣдомству всѣ предохранительныя отъ заразы распо-

раженія начальства, присовокупляя къ нимъ нѣкоторыя правила отъ себя въ руководство духовенству при напутствованіи больныхъ и погребеніи умершихъ; такъ, въ избѣжаніе прикосновенія къ зараженнымъ священникамъ велѣно исповѣдывать ихъ издали, сквозь двери или чрезъ окно, отъ причащенія ихъ св. дарами удерживаться, погребеніе умершихъ чинить не надъ самими тѣлами, а по отправленіи ихъ на кладбище въ церкви, крещеніе младенцевъ въ зараженныхъ домахъ совершать чрезъ посредство бабокъ, стриженіе власовъ при крещеніи и совершеніе муропомазанія оставлять до лучшаго времени и т. п. Правила эти вели только къ новому раздраженію черни, невѣрившей въ заразительность болѣзни. Какъ обыкновенно бываетъ во времена народныхъ бѣдствій, одни прибѣгли за утѣшеніемъ къ религіи, другіе къ вину, большая часть къ тому и другому вмѣстѣ. Духовенство собирало большіе доходы отъ многочисленныхъ требъ, кромѣ того, увлекшись корыстью, завело по приходамъ безъ архіерейскаго дозволенія ежедневныя крестныя ходы съ толпами черни, пьяной съ ранняго утра. Амвросій строго воспретилъ подобныя самовольныя ходенія, тѣмъ болѣе, что они могли способствовать къ усиленію заразы; но его запрещеніе ни къ чему не повело и кромѣ того возбудило противъ него же общій ропотъ духовенства и народа, зачѣмъ онъ останавливаетъ святое дѣло и самъ вмѣстѣ съ ними не бродитъ по улицамъ; толковали, что архіерей еретикъ. Послѣ, когда священники увидали, что богомолье ихъ дѣйствительно опасно, они сами бросили свои ходенія, но невыгодное для Амвросія впечатлѣніе было уже произведено.

Въ началѣ сентября вдругъ распространился слухъ, будто бы въ сновидѣніи кому-то и кѣмъ-то открыто, Москва де за то наказывается моромъ, что передъ образомъ Божіей Матери Боголюбской при Варварскихъ воротахъ никто не пѣлъ молебновъ и свѣчь не ставилъ. Одинъ священникъ церкви всѣхъ святыхъ на Кулишкахъ съ однимъ фабричнымъ придумали чудо. Послѣ

этого у Боголюбской начались непрерывныя молебствія; толпы народа не отходили отъ Варварскихъ воротъ; особенно много было женщинъ, въ томъ числѣ разныхъ барынь и купчихъ. Разгласитель чуда, фабричный, былъ тутъ же и собиралъ деньги, возглашая: „подайте, православныя, на всемірную свѣчу“, или влѣзалъ по лѣстницѣ къ иконѣ, прикладывая къ ней фаты, платки и ленты. Явились отъ разныхъ церквей священники и, какъ говорилъ синодальный указъ, „богослуженіе въ торжище обратили и руки къ пріятію гнусной мзды простерли“. Описывавшій эти событія родственникъ преосв. Амвросія Бантышъ-Каменскій выражается еще рѣзче: „мерскіе козлы, оставивъ свои приходы, стояли тутъ съ налоями, дѣлая торжище, а не моленіе; городскіе, домовые и уѣздные попы толпами бродили“... Въ воротахъ отъ толпы народа и приставленной къ образу лѣстницы не было ни прохода, ни проѣзда, происходили разные беспорядки, а между тѣмъ постоянное скопленіе народа на одномъ мѣстѣ грозило усиленіемъ заразы.

Владыка, жившій тогда въ Чудовомъ монастырѣ, принялъ было намѣреніе удалить поповъ отъ воротъ, икону съ воротъ снять и перенести въ стоящую подлѣ церковь Кира и Іоанна, а деньги и др. вещи, пожертвованныя ей взять подъ наблюденіе духовнаго начальства, чтобы этимъ спасти ихъ отъ расхищенія; онъ собирался употребить ихъ послѣ на богоугодныя дѣла и всего ближе отдать въ воспитательный домъ, котораго былъ опекуномъ. Попы не только не явились по требованію архіерея въ консисторію, но еще пригрозили побить посланныхъ за ними камнями; чернь стояла за нихъ. Послѣ этого Амвросій не рѣшился предпринимать и перенесенія иконы. По совѣщаніи съ Еропкинымъ положено было только:—дабы собираемыя фабричнымъ деньги, иногда и отъ зараженныхъ людей, не были расхищены и, переходя изъ рукъ въ руки, не умножили бы въ людяхъ язву, приложить къ ящикамъ съ ними консисторскую печать. Для безопаснѣйшаго

исполненія этого дѣла Еропкинь обѣщала дать въ охраненіе консисторскимъ посланнымъ военную команду. 15 сентября къ вечеру, когда толпа народа предъ иконой начинала обыкновенно по немногу рѣдѣть, къ воротамъ отправленъ былъ изъ Чудова консисторскій подъячій въ сопровожденіи 6 солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Но, придя къ воротамъ, посланные увидали, что народъ не только не расходился, но собрался еще въ большемъ множествѣ, чѣмъ обыкновенно, будучи предупрежденъ, что къ вечеру архіерей пришлетъ брать икону. Сторону черни принялъ одинъ плацъ-маіоръ съ нѣсколькими батальонными солдатами, поспѣшили приложить къ ящикамъ свои печати, вооружили въ подмогу солдатамъ кузнецовъ и всталъ у воротъ наготовѣ вступить въ бой съ архіерейскими людьми. Только лишь подъячій сталъ прикладывать печать, какъ въ толпѣ раздались крики: „бей ихъ, грабителей, еретиковъ“. Началась свалка; подъячій и солдаты, защищавшіе его, были побиты. Отъ мѣста свалки по всемъ улицамъ понеслось извѣстіе, что у Варварскихъ воротъ Богородицу грабятъ. Въ сосѣднихъ церквахъ ударили въ набатъ, который подхватилъ городской набатный колоколъ на Спасскихъ воротахъ; съ городского набата грянули колокола на всехъ 40 сороковъ. Народъ съ разными орудіями отвсюду сбѣгался къ воротамъ защищать Богородицу.

Амвросій, зная, какъ велико противъ него народное раздраженіе, при первомъ же извѣстіи о бунтѣ, тайно бѣжалъ изъ Чудова монастыря къ помощнику Еропкина Собакину (жившему около Калужскихъ воротъ), у котораго, какъ у своего друга и человека холостаго, хотѣлъ переночевать, но, заставъ его въ страшной тревогѣ и больнымъ, не захотѣлъ его беспокоить и уѣхалъ въ Донской монастырь. Страхъ его былъ не напрасенъ. Поджигаемая разными духовными лицами, особенно крестцовыми попами, недовольными крутымъ архіереемъ, также раскольниками, принимавшими въ бунтѣ очень большое участіе, толпа, состоявшая пре-

имущественно изъ фабричныхъ, мастеровыхъ и множества дворовыхъ людей, принадлежавшихъ къ многолюднымъ и безнравственнымъ дворнямъ московскаго барства, повалила въ кремль къ Чудову монастырю, прямо къ покоямъ архіерея. Келейники и домовые монахи всѣ разбѣжались, куда кто могъ. Было 10 часовъ вечера, когда бунтовщики завладѣли пустымъ монастыремъ и, не найдя архіерея, принялись грабить его домъ; все имущество пышнаго и богатаго Амвросія было разнесено; мебель и разныя вѣщи были поломаны и оборваны; всѣ окна перебиты. Монастырь тоже сильно пострадалъ. Толпа, можетъ быть, скоро бы отхлынула изъ монастыря искать Амвросія въ другомъ мѣстѣ, если бы не добралась до монастырскаго подвала съ множествомъ бочекъ вина; это ее задержало. Поднялся дикій ночной кутежъ, въ которомъ принимали дѣятельное участіе и мущины и женщины, и міряне и духовенство. Прошла ночь, наступило утро, а въ монастырѣ все еще пировали и буйствовали. Люди болѣе серьезные по утру вспомнили, что они явились въ Чудовъ вовсе не для того, чтобы освидѣтельствовать монастырскіе подвалы, вспомнили объ архіереѣ. Амвросій между тѣмъ, узнавъ о разграбленіи Чудова монастыря, послалъ съ объясненіемъ о томъ письмо къ Еропкину и просилъ у него билета для выѣзда изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. Утромъ 16 числа Еропкинъ прислалъ къ нему для сопровожденія въ пути офицера и совѣтовалъ для большей безопасности переодѣться. Но пока отыскали для того платье, пока преосвященный переодѣвался, пока закладывали кибитку и дѣлали другія приготовленія къ отъѣзду, время все шло, и вдругъ за стѣнами монастыря раздался знакомый ревъ толпы, которая шла изъ Чудова. Кто сказалъ ей, что архіерей въ Донскомъ монастырѣ, чудовскіе ли служители или кто другой, не извѣстно. Амвросій такъ и не успѣлъ бѣжать, хотя все уже было готово къ его отъѣзду.

Монастырь былъ живо окруженъ народомъ; монастырскія ворота вылетѣли вонъ, и мятежники разбѣ-